

Аромат
с секретом

Нина Кислицына

Аромат с секретом

«Автор»

2026

Кислицына Н.

Аромат с секретом / Н. Кислицына — «Автор», 2026

Люся создаёт людям личные ароматы, которых больше нет ни у кого, и никогда не раскрывает их состав. Своей жизнью она так распорядиться не может: выросла в детском доме и давно привыкла, что за ней никто не придёт. На дне рождения подруги Люся знакомится с Костей, мужчиной, которого Катя считает своим, и впервые за годы понимает, что не хочет возвращаться домой одна. А вскоре на её двери появляется конверт с признанием в любви, приклеенный на скотч, и кто его написал, она не знает. Есть ещё незнакомец из соцсети за три тысячи километров, который советует ей не бояться и однажды предлагает искать родителей. Но главная тайна в её жизни окажется не про любовь.

© Кислицына Н., 2026

© Автор, 2026

Нина Кислицына

Аромат с секретом

ГЛАВА 1

Люся сидела на подоконнике, подтянув колени к груди и обхватив их руками, смотрела в сторону парка. Подоконник был старый, крашеный в несколько слоёв, и даже в самый жаркий день под ним оставалась прохлада; сейчас она чувствовалась сквозь тонкую ткань домашних штанов.

Окно было открыто настежь, и вечерний воздух приносил в комнату запах нагретого за день асфальта и листвы, а вместе с ним пыль и что-то сладкое, вроде липы, цветущей где-то в глубине двора.

Снизу доносились голоса: женщина звала кого-то ужинать, мальчишки спорили о футболе, где-то за домом скрипели качели. Штора чуть шевелилась, будто в комнату кто-то заглядывал и не решался войти.

Через дорогу, на аллее, гуляла влюблённая пара. Они шли, держась за руки, не спеша, как ходят люди, которым некуда торопиться. Фонари уже зажглись, но было ещё светло, и их свет казался почти лишним.

Парень что-то рассказывал, наклоняясь к самому её уху, и свободной рукой всё время показывал куда-то в сторону деревьев: то ли на белку, то ли просто так, для выразительности. Девушка запрокидывала голову и так звонко смеялась, что смех долетал до окна, раскатывался по комнате и задевал шторы.

На ней было светлое платье, которое в сумерках казалось голубым, и она шла, чуть покачиваясь, будто пританцовывая на ходу. Туфли на низком каблуке стучали по асфальту легко, в такт его рассказу.

Было интересно наблюдать за ними со стороны, будто в кино: он говорит, она смеётся, и всё у них ладно.

Наверное, это был анекдот или какая-то смешная история, от которой смешно обоим сразу. Может, он рассказывал, как утром проспал и приехал не туда, или что-то про коллегу, — но она смеялась так, будто за год не слышала ничего остроумнее.

Профессиональным психологом быть не требовалось, чтобы понять: эта пара влюблена друг в друга. Это было видно в том, как он держал её руку, чуть поглаживая большим пальцем, и в том, как она смотрела на него снизу вверх, пока он говорил.

Люся даже успела подумать, что впереди у них ещё целая жизнь, когда парень вдруг поднял голову и внимательно посмотрел прямо на её окно.

Она тут же соскользнула с подоконника на пол. Ей стало стыдно за то, что её заметили. Щёки налились румянцем, а по телу пробежал ток, будто её поймали за чем-то нехорошим. Неловко вышло, как ни крути, но спускаться к ним и пытаться что-то объяснить было глупой идеей.

Поэтому она прошла на кухню, поставила чайник на плиту и осталась стоять у стола, слушая, как он греется и через минуту закипает.

Чай был единственным, что успокаивало Люсю. Она налила кипятка в большую кружку, бросила туда ломтик лимона и села за стол, обхватив кружку обеими ладонями. Обычно этого хватало: несколько глотков, пар над лицом, тёплая кружка под пальцами, и злость отходила на второй план. Но сейчас чудотворный чай с лимоном не справился с её нервами. Она сделала глоток, потом ещё один, а внутри всё равно всё закипало. Стоило ей вспомнить о завтрашнем вечере, как пальцы сами сжимались в кулаки. Она начинала злиться на саму себя, потому что ничего не может изменить в этой ситуации, ничего не исправит, и ей придётся в очередной раз столкнуться с бывшим, который, как всегда, будет издеваться и шутить над ней. Как же

хотелось врезать ему по морде, когда он открывал свой «грязный» рот. Но сделать этого она не сможет: подруга просила. Ведь завтра день рождения Кати, и портить ей праздник будет некрасиво и не по-дружески. Придётся терпеть этого придурка, улыбаться и проглотить все обиды, а их накопилось очень много за несколько лет. Чай остывал в её руках нетронутым.

Когда-то, в недалёком прошлом, Люся и Виталий были счастливы. Они собирались пожениться и после свадьбы купить большой дом, где будут расти их будущие дети. Люся уже видела этот дом: светлый, с верандой и яблоней под окнами, с широкой лестницей на второй этаж, по которой будут бегать малыши. Она листала объявления вечерами, обзванивала риелторов, ездила на просмотры по выходным и возвращалась домой с горящими глазами. И ни на минуту не сомневалась в том, что Виталик любит её безумно. Но она заблуждалась в этом. Сомнения развеяла девушка, которая однажды пришла к ней домой и рассказала всю правду: кто, когда и как давно. Люся слушала её стоя, не предложив сесть, и всё ждала, когда та наконец замолчит. Чтобы не гадать и не искать оправданий, она решила прямо в лоб спросить Виталия об измене. И его ответ её чуть не убил. Она еле удержалась на ногах, схватилась за спинку стула. Он без стеснения признался во всём, будто рассказывал о чём-то постороннем. Ей не осталось выбора, кроме как прогнать его из своей квартиры, и он ушёл, забрав пакет с вещами и оставив на тумбочке ключи. После этого все планы на будущее рухнули, как карточный домик. Оказалось, что жених, с которым они строили совместные планы на будущее, уже давно изменяет ей с англичанкой. То есть, с учителем по английскому языку. Никогда бы она не подумала, что учителя могут крутить между собой романы. Ей казалось, что в педагогическом коллективе у людей в голове только уроки и ещё раз уроки, и больше ничего. Но она ошиблась. Не зря говорят: «в тихом омуте». Виталий работал в одной школе с этой англичанкой. Вот они и нашли друг друга: общие темы для разговоров, совместные обеды в школьной столовой, всё это привело к их близости. Пока он крутил роман на стороне, Люся всё это время искала дом, который они купят после свадьбы. И она нашла дом своей мечты. Только теперь эта мечта переносилась на неопределённое время.

Люся приняла тёплый душ, постояла под водой дольше обычного, пока зеркало в ванной не затянуло паром, потом вытерлась и надела тонкий халатик. Волосы ещё капали на плечи, когда она прошла в спальню. В комнате горела только настольная лампа, и в её жёлтом свете зеркало казалось глубже, чем днём. Люся подошла к нему вплотную и посмотрела на своё отражение: влажные волосы, лицо без косметики, бледные плечи в распахнутом вороте халата. И до сих пор не могла понять, почему Виталий ей изменил. Может, она не настолько умна, как эта англичанка, или не настолько красива. Может, у той другой голос и другая фигура. А может, в постели училка по английскому языку намного круче её. Она смотрела на себя и не находила ответа.

Любви к Виталию уже не было. Он растоптал её чувства своим поступком, и обратно эти чувства не собирались, сколько она ни проверяла себя по вечерам. Но вот злость на него до сих пор сидела где-то внутри, под рёбрами, и уходить не думала. Она затихала на несколько дней, а потом поднималась от одного воспоминания, от случайной песни в машине, от фразы, сказанной кем-то в очереди. Хотелось сделать ему больно, по-настоящему, чтобы он тоже не спал ночами, чтобы психовал и нервничал, чтобы хоть раз почувствовал себя так, как чувствовала она. Люся придумывала целые разговоры: вот она говорит ему всё, что не сказала тогда, вот он слушает, и лицо у него становится растерянным. Только происходило наоборот. Он доводил её до бешенства и выводил на эмоции, от которых хотелось кричать. Она стискивала зубы и до боли сжимала край халата, чтобы не закричать в пустой комнате.

Зазвонил мобильный телефон. Люся перестала разглядывать себя в зеркале, обернулась, поискала глазами трубку и только на третий звонок сообразила, что та лежит на тумбочке возле кровати. Она подошла, вытерла влажную руку о халат и взяла телефон. На экране светилось имя Кати.

— Привет. — Услышала она голос Кати.

— Привет. — Люся села на край кровати. — Ты чего не спишь?

В трубке что-то постукивало, будто подруга ходила по кухне и переставляла посуду.

— Слушай, Люсь, а ты сможешь приехать ко мне завтра пораньше?

— Конечно приеду. — Люся даже не задумалась. — Во сколько?

— Да хоть с утра. — Катя вздохнула. — У меня ещё половина дел не сделана, а я уже ничего не соображаю.

— Спасибо. А то я сама не справлюсь.

— Родная, не переживай. Я тебе во всём помогу.

— Я знаю. — Улыбнулась Катя. — До завтра.

— До завтра, — ответила Люся и ещё немного посидела с телефоном в руке, глядя на погасший экран.

После разговора с подругой Люся вернулась к зеркалу и снова посмотрела на себя. Она смотрела долго, поворачивая голову то вправо, то влево, и искала в своей внешности недостатки. Их не было. Просто обычная внешность, ничем не приметная: нос как нос, брови как брови, и ничего такого, за что взгляд мог бы зацепиться. А Виталий при завтрашней встрече обязательно найдёт в ней кучу недостатков и ещё улыбнётся так, будто делает ей одолжение. Подумав об этом, она снова начала злиться. Вот у кого действительно были недостатки, так это у него. Он громко смеялся, как чайка, и это был некрасивый смех. Он резал уши, и она каждый раз вздрагивала, когда он начинал заливаться. Но она же об этом ему не говорила. И ещё у него проблемы с чувством юмора. Когда он шутит, смешно только ему, остальные просто делают вид, что им весело. А ещё он считает, что где бы он ни появился, все смотрят только на него. И это неправда. У этого человека завышена самооценка. Он уверен, что для всех он интересный собеседник и всем нравится. Только его все терпят из-за Кати, потому что он её брат. Если бы не она, Виталия бы вообще никто не замечал. А Катю все любили. Она была интересной, умной и красивой. С ней можно поговорить обо всём, она поддержит любую тему. Всегда выслушает и даст совет, если он нужен.

Люся познакомилась с Катей ещё в студенческие годы, и с тех пор они стали лучшими подругами. За все эти годы они даже ни разу не поссорились, а если и спорили, то о ерунде: какого цвета шторы повесить или куда поехать на выходные. Хватало одного звонка, чтобы всё забылось. Даже когда Люся рассталась с Виталием, Катя не стала вставать ни на чью сторону. Она только развела руками и сказала, чтобы они разбирались сами. И Люся была этому рада. Потому что Катя для неё была единственным родным человеком, и ближе её не было никого на свете. Поэтому на завтрашнем дне рождения Кати, чтобы не испортить праздник подруги, Люся будет молчать и постарается не пересекаться с Виталием. Тем более что он по любому приедет не один, а со своей англичанкой. И эта девица ей тоже не нравилась. Это не ревность! Это просто факт! Неприятный и неинтересный человек! В общем, Виталий нашёл себе подходящую пару, похожую на него самого. Как в поговорке: «два сапога — пара». И хватит уже думать о них. Слишком много своего времени она уделяет мыслям о Виталии и его англичанке. Лучше подумать о чём-то хорошем или занять себя каким-нибудь делом. Только вот чем заняться перед сном? Может, почитать книгу? И тут ей в голову пришла мысль, которой она была рада.

Люся залезла на кровать, поджала под себя ноги и устроилась на подушке повыше. В квартире было тихо, только холодильник гудел на кухне через стену. Она разблокировала экран телефона и зашла на свою страничку в социальной сети. Свет от экрана лёг на лицо, и в тёмной спальне сразу стало видно каждую пылинку в воздухе. Вверху, рядом с иконкой сообщений, висела синяя отметка с числом. Несколько новых сообщений от незнакомца. Люся открыла их и быстро пробежала текст глазами: «Люся — вы очень привлекательная женщина. Я ещё не

встречал такую как вы. Может быть это покажется глупостью, но я хотел бы встретиться с вами и пообщаться. Если вы согласитесь я буду счастлив».

Прочитав сообщения несколько раз, Люся не знала, как реагировать. Она даже перевернула телефон экраном вниз, потом снова подняла его и перечитала всё с начала. Это было что-то новенькое для неё. Ещё ни разу ей не предлагали встретиться в интернете, и она не понимала, как на такое вообще отвечают. Люся ткнула в аватарку и прошла на профиль, откуда пришло сообщение. На главной висела фотография, и она разглядывала её несколько минут, так внимательно, будто могла что-то понять по лицу. Красивый, темноволосый мужчина. Больше она определить не могла: ни возраста, ни профессии, ни города. Да и вообще, это действительно какая-то глупость. Встретиться с человеком, которого она совсем не знала, было не для неё. Может, он вообще маньяк, откуда она может знать, что у него в голове. Сейчас многие девушки знакомятся в интернете и встречаются после пары сообщений. Но Люся не могла так поступить. Поэтому она вышла из соцсети, оставив сообщение незнакомца без ответа.

Наступило утро. Солнце ярко светило в окно, и Люся прищурилась, ещё не совсем проснувшись. Полоса света лежала поперёк кровати, на подушке и на стене, и в ней медленно кружилась пыль. Люся полежала ещё минуту, глядя в потолок, потом вспомнила про день рождения. Точнее, уже про сегодняшний. Продолжать валяться в постели она больше не могла, потому что обещала Кате приехать пораньше и помочь с приготовлениями. Зевнув, она неохотно встала с кровати, сунула ноги в тапочки и прошла в ванную. Включила воду в душевой, подождала, пока она станет тёплой, скинула с себя халатик, зашла в кабинку и задвинула дверцу. Вода стучала по плитке, пар поднимался к потолку. После тёплого душа она замотала волосы в полотенце, почистила зубы, надела другой халат и прошла на кухню, где поставила чайник и приготовила себе чай с лимоном.

Люсе нравилось по утрам пить чай и пролистывать свой мессенджер. Так начинался почти каждый её день: кружка в одной руке, телефон в другой, окно открыто, город за окном просыпается. Там у неё была создана своя рабочая группа, куда она добавляла всех девушек, которые работали в её парфюмерном магазине. Обычно там обсуждали поставки, график и новые ароматы. Но в это утро у иконки группы стояла цифра побольше обычного. Оказалось, пока она спала крепким сном, девочки устроили спор в группе и даже успели поссориться между собой с утра пораньше. Люся открыла переписку и стала читать с самого начала, пролистывая сообщения вверх. С каждым новым абзацем она понимала всё меньше. Почитав диалог, Люся так и не поняла, из-за чего произошла ссора: сообщения шли одно за другим, и ни в одном не было внятного объяснения. И это оставлять так нельзя. Нужно будет съездить на работу и поговорить со всеми участниками конфликта. Она не могла допустить, чтобы в её магазине работали в плохом настроении, и не хотела, чтобы это отразилось на покупателях. А постоянные клиенты магазина были не просто людьми, а людьми с высокими должностями. И они очень не любят, когда что-то не по ним. Если девочки не в настроении, то они однозначно могут накосячить. Нужно было побыстрее урегулировать появившуюся с утра пораньше проблему.

Люся вспомнила, как она только начинала заниматься парфюмерией. Тогда у неё не было ни денег на хорошее оборудование, ни знакомств в этой сфере. Стол на кухне был заставлен колбочками и пробирками, блокнот с формулами пух от записей, и запахи по всей квартире не выветривались даже к утру. Как было сложно, и сколько слёз она проливала бессонными ночами, думая над очередным ароматом. Бывало, смешивала до трёх часов, а утром выливала всё в раковину и начинала заново. Было тяжело, но она справилась. Все её старания были не зря. Теперь её парфюмерный магазин был один из лучших в городе, и Люся гордилась собой. Особенность её магазина была в том, что Люся могла создать человеку свой индивидуальный аромат, которого нигде больше нет. Услуга называется «аромат с секретом». Такой услугой пользовались только те, кто мог себе это позволить, потому что услуга была не из дешёвых. И

когда она создавала аромат для заказчика, то никогда не раскрывала состав парфюма. Поэтому клиент всегда возвращался к ней обратно. За несколько лет у магазина появилась неплохая база постоянных клиентов, и по сей день он набирал популярность в городе. И это радовало. А как иначе. Ведь это она и больше никто создала всё с нуля. От самой идеи и до сбывшейся мечты. Да и кто бы ей помог? Кроме подруги Кати у неё никого не было. Хотя поддержка подруги на всех этапах была немало важным фактором. Тем более когда так не хватало родительской поддержки.

Допив чай, Люся вернулась в спальню и подошла к окну. В парке напротив никого не было. Пустые аллеи, мокрая от росы трава, скамейки, на которых ещё никто не сидел, и качели, застывшие на месте. Парк был пустым и казался таким одиноким, что у неё защемило под ложечкой. Вот и она чувствовала себя одинокой, хотя её всегда окружало много людей: продавщицы в магазине, покупатели, знакомые, подруга. Но это совсем не то. Слёзы выступили из глаз, и Люся смахнула их ладонью. Всегда, когда она вспоминала о том, что родители отказались от неё сразу же после рождения, становилось очень грустно. Почему они так поступили с ней, никто не знал. Да и узнавать не хотелось. Они сами приняли такое решение, и это их дело. И искать их она не собиралась. Зачем? Раз они так поступили, значит была не нужна им. Только до сих пор Люся не могла понять, как женщина могла отказаться от частички себя. Неужели её никогда не мучала совесть? Как ей спалось все эти годы? Не мучили ли кошмары? Наверное, нет. Если бы у её родителей проснулась совесть, они бы её нашли. Но увы... За тридцать лет никто не появился. Всё! Хватит думать о грустном. Сегодня день рождения подруги, а это значит, что нужно улыбаться и быть весёлой.

Люся ещё раз провела ладонью по лицу, будто стирая с него остатки сна и слёз, взяла телефон и открыла чат с Катей. Набрала: «Моя любимая подружка, поздравляю тебя с днём твоего рождения! Желаю счастья, любви и здоровья». Посидела секунду, глядя на текст, потом добавила в конце сердечко и нажала отправить. Ответ не заставил себя ждать. Телефон пискнул почти сразу, будто подруга держала его в руке: «Спасибо. Жду тебя». Люся улыбнулась, впервые за всё утро искренне, и убрала телефон в карман халата.

Она надела бирюзовое платье, которое купила ещё месяц назад специально для этого дня, и оценивающе посмотрела на себя в зеркало. Платье сидело идеально, будто было сшито на заказ: ткань мягко облегла плечи, ложилась по талии, нигде не тянуло и не топорщилось. Оно прекрасно подчёркивало все прелести фигуры. Люся повернулась боком, потом ещё раз, одёрнула подол. Волосы она решила оставить распущенными. Это придавало ей романтичности, а лёгкий макияж придавал уверенности перед встречей с бывшим: немного туши, тёплые тени, блеск на губах, и лицо сразу стало другим, живым. Под это платье прекрасно подошли белые туфли на высокой шпильке. Длина платья, доходившая до колен, идеально подчёркивала её стройные ноги. В общем, Люся была довольна своим отражением. А Виталий теперь пускай видит, что потерял, и кусает локти. Улыбнувшись, она сделала последний штрих: нанесла свой любимый парфюм на запястье и шею, тот самый, который, конечно же, создала сама для себя. Запах был лёгкий, с горчинкой и чем-то тёплым в глубине. Потом она взяла маленькую сумочку такого же цвета, как платье, в которую помещался только мобильный телефон, ключи от машины и кредитная карта. Но сегодня она решила поехать на такси, поэтому машину заказала заранее через приложение.

В комнате становилось душно, и Люся пошла к окну, чтобы открыть его пошире. Она взялась за ручку, толкнула створку и замерла. Напротив, в парке, стоял мужчина. Тот самый, который вчера заметил её, когда она сидела на окне и наблюдала за ним и его девушкой. Сегодня он был один. Ей даже показалось, что он смотрит прямо на неё, на её окно. Люся тряхнула головой. С чего бы ему смотреть на неё. Наверное, он просто о чём-то задумался и не замечает никого вокруг. Но она почему-то испытала какое-то волнение, глядя на него, и по всему телу

пробежала дрожь. Тёплый ветерок подул в лицо, шевельнул занавеску, и Люся списала всё на него.

Пришло уведомление на телефон о том, что такси ждёт возле дома. Люся проверила, всё ли взяла, заперла дверь и пошла вниз. Каблуки стучали по лестнице и отзывались эхом в пустом подъезде, и она ловила себя на том, что считает ступеньки, лишь бы не думать о мужчине из парка. На улице стояла жара. Воздух был густой, как сироп, и сразу облепил лицо. Она ещё раз взглянула в сторону парка и снова вздрогнула. Он смотрел прямо на неё. Теперь она отчётливо это видела, и сомнения улетучились. Реакция тела была странной: ладони повлажнели, в горле пересохло. Ей становилось не по себе. И с чем это связано, было непонятно. Люся отвела взгляд, подошла к машине и села на заднее сиденье. Машина сразу же тронулась с места. Она хотела обернуться, но чего-то испугалась, наверное того, что снова встретится с ним глазами.

Всю дорогу Люся думала о мужчине из парка. Он притягивал и одновременно пугал, и она не понимала, какое чувство было сильнее. Стоило закрыть глаза, и она снова видела его у деревьев, его взгляд, который будто упирался в её окно. Водитель такси включил тихо музыку, от которой стало клонить в сон. Как такое можно слушать за рулём? Завывание какое-то, ни мелодии, ни слов. Ехать оставалось минут десять, поэтому Люся не стала просить водителя выключить это нытьё. Она повернула голову к окну и стала молча наблюдать, как быстро мелькают дома, парки, магазины, офисы. За стеклом плавился асфальт, люди прятались в тени, кто-то обмахивался папкой. Люся любила свой город, в котором родилась и выросла. И где-то в этом городе живут её биологические родители. Может быть, даже она сталкивалась с ними, проходила мимо, держалась за одну ручку в автобусе, но об этом она никогда не узнает.

— Девушка, мы приехали, — сказал водитель и обернулся с переднего сиденья. Машина остановилась возле дома Кати, у самых ворот.

— Спасибо. — Люся расплатилась через приложение, вышла из машины и направилась к воротам. Жара ударила в лицо, и она невольно ускорила шаг, чтобы скорее оказаться в тени. Калитка была открыта, дорожка вела к крыльцу.

Оказавшись в доме Кати, Люся у двери скинула туфли и сразу учуяла запах булочек с корицей. Тёплый, сладкий, с той самой корицей, от которой у неё всегда поднималось настроение. Она пошла на кухню, откуда доносился этот вкусный и притягивающий запах. Она обожала булочки с корицей, но самой было лень их готовить: возиться с тестом, ждать, пока оно подойдёт, потом отмывать стол от муки.

— Здравствуйте, Елена Николаевна, — сказала Люся, заходя на кухню.

— Привет, красавица, — ответила мама Кати и обернулась от стола. На ней был фартук, на руках мука, а рядом остывал противень с булочками.

Елена Николаевна была прекрасным человеком и хорошей мамой. Вот пример идеальной женщины. Она вырастила Катю одна: муж бросил её ещё до рождения дочери, и она всё равно родила и не побоялась того, что может не справиться.

— Можно я украду одну? — спросила Люся, и, не дождавшись ответа, стащила булочку с тарелки. Тесто было ещё тёплым, а пальцы сразу стали липкими от сахара. — Как вкусно, как же я их люблю.

— Знаю, — засмеялась Елена Николаевна. — Поэтому и приготовила их.

— Что? Это вы для меня приготовили? — Люся подошла к Елене Николаевне и обняла её прямо в фартуке, перепачкалась мукой, но ей было всё равно. Ей стало так хорошо рядом с этой женщиной, так тепло, как бывает только в детстве, когда тебя кто-то ждёт дома. Вот если бы у неё была такая же мама. Но это невозможно. Если бы у неё была такая же мама, то Люся бы не выросла в детском доме и не вздрагивала бы от каждого ласкового слова.

Елена Николаевна похлопала её по спине, и Люся на секунду зажмурилась, чтобы не расплакаться.

На кухню зашла Катя. Она остановилась в дверях, уперев руки в бока, и посмотрела на подругу так, будто та опоздала на собственную свадьбу.

— Ах вот ты где. А я думаю, куда ты пропала. Такси вроде бы приехало десять минут назад, а тебя до сих пор нет, — заворчала она, нахмутив свой красивый носик.

— Ну не ворчи. Ты же знаешь, что пройти мимо булочек с корицей я не могу. Это моя слабость. А твоя мама готовит их превосходно. Они тают во рту. — Люся откусила ещё кусочек, чтобы подтвердить свои слова.

Елена Николаевна у стола тихо засмеялась и отвернулась к раковине.

— Знаю, знаю. Но вынуждена тебя украсть.

— Давай хоть чаю попьем? — предложила Люся.

— Потом попьем. Мне нужно обсудить с тобой кое-что важное.

Катя взяла её за руку и потащила из кухни, мимо прихожей, к лестнице на второй этаж, где находилась её комната. Люся едва успела проглотить последний кусок.

— Спасибо за булочки! — успела Люся поблагодарить через плечо Елену Николаевну.

На лестнице пахло деревом и лаком, ступеньки тихо скрипели под ногами.

— И о чём таком важном ты хочешь поговорить? — спросила Люся, когда они оказались в комнате Кати.

Катя захлопнула дверь, будто за ними кто-то гнался, и уселась на кровать, поджав под себя ногу. Люся сделала то же самое. Видя, как подруга нервничает, как теребит край пледа и не смотрит в глаза, она поняла, что действительно есть что-то важное.

— Рассказывай.

— Я не знаю, с чего начать.

— С самого главного.

— Хорошо. — Катя ещё некоторое время помолчала, собираясь с духом, потом выдохнула и продолжила: — Сегодня на моё день рождения придёт мужчина, который мне безумно нравится.

— Ого. — Люся ахнула от неожиданности и даже подалась вперёд. — И давно ты с ним знакома?

— Я познакомилась с ним случайно, — сказала Катя и улыбнулась своим мыслям. — Мы несколько раз ходили в кафе, один раз гуляли по улице держась за руки.

— И? Ты влюбилась? — Люся поставила локти на колени и приготовилась слушать.

— Да. Я люблю его, — сказала Катя так просто, будто признавалась в чём-то давно решённом.

— А он?

— А что он? — Катя вскинула брови, будто вопрос застал её врасплох.

— Ну как что? Тоже влюблён?

Катя снова замолчала. Видимо, раздумывала над вопросом: смотрела в окно, потом на свои руки, потом опять на Люсю. За окном проехала машина, и на секунду в комнате стало слышно улицу.

— Не знаю, — наконец сказала она. — Иногда мне кажется, что он влюблён в меня, а иногда нет.

— Как это? — непонимающе спросила Люся.

— Он внимательный, вежливый, и интересный собеседник, — принялась перечислять Катя, загибая пальцы. — Но ни разу не позволил себе лишнего. Мы ни разу даже не целовались. Я чувствую себя рядом с ним школьницей.

Люся не выдержала и засмеялась. Катя всегда была такой нетерпеливой. Ей нужно было всё и сразу. Она не умела ждать и из-за этого начинала нервничать: ходила по комнате, что-то переставляла, хваталась за телефон.

— Подожди. Может, он присматривается. Дай ему время. Не торопи его.

— Люся, я не хочу ждать. Мы же не маленькие дети. Неужели он такой стеснительный.
— Катя откинулась на подушку и уставилась в потолок.

— Успокойся, — повторила Люся, вытирая выступившие от смеха слёзы.

— Я спокойна, — обиженно сказала Катя и поджала губы.

— Ага. Вижу, какая ты спокойная. Готова на меня наброситься с кулаками. — Люся снова засмеялась и на всякий случай отодвинулась.

— Не смешно. Видела бы ты его.

— Интересно было бы посмотреть на того, кто покорило твоё сердце.

— Посмотришь. Я же пригласила его сюда. Если, конечно, он придёт. — Катя покосилась на телефон, который лежал рядом на покрывале, и ничего не добавила.

— А ты думаешь, что не придёт? — Люся перестала улыбаться.

— Не знаю, — сказала Катя и пожала плечами. — Он иногда бывает странным.

— И что странного в нём? Как это выражается?

— Бывает, что он задумывается о чём-то и забывает об окружающих. Сидит, смотрит в одну точку, а если его окликнуть, вздрагивает, будто вернулся откуда-то издалека.

В дверь постучали, коротко, два раза, и в комнату вошла Елена Николаевна. Она на ходу вытерла руки о полотенце.

— Девочки, там приехали официанты, которые будут обслуживать банкет. Кому-то нужно с ними поговорить и объяснить, что делать.

— Сейчас спущусь, — ответила Катя и нехотя поднялась.

— Хорошо, — кивнула Елена Николаевна и вышла.

— Пошли, потом договорим, — сказала Катя.

Она неохотно встала с кровати, одёрнула платье и первой вышла в коридор. Люся последовала за подругой. Они спустились вниз, в просторную прихожую, где у зеркала топтались четыре девушки в униформе официанток: белые блузки, тёмные фартуки, волосы у всех собраны. Катя сразу подошла к ним и стала объяснять, что делать: где накрывать стол, куда ставить бокалы, как подавать горячее. Голос у неё сделался твёрдым и деловым, будто она не день рождения собиралась праздновать, а открывала свой ещё один магазин.

Люся осталась стоять на лестнице, облокотившись на перила, и слушала, как Катя даёт указания официанткам.

— Какие люди? — раздалось у неё за спиной.

Люся узнала голос раньше, чем обернулась. Обернулась и столкнулась лицом к лицу с Виталием. Он стоял на две ступеньки ниже, облокотившись на перила, и смотрел на неё с интересом, внаглую разглядывая фигуру с ног до головы, как голодный котёнок. Взгляд его задержался на платье, на плечах, на ногах. Она сделала вид, что не заметила этого.

— А ты сделай вид, что меня тут нет. Пройди мимо, — фыркнула Люся и отвернулась.

Она не ожидала, что Виталий здесь. Вообще-то он жил отдельно от матери и сестры уже несколько лет и приезжал к ним только по праздникам. А судя по его одежде, по мятым домашним вещам, он ночевал здесь. Интересно, что его заставило остаться.

— Не могу, — Виталий ухмыльнулся и поднялся на ступеньку выше. — Ты так похорошела с того дня, когда мы виделись последний раз на Новый год. Кто-то появился? Или для меня старалась?

Какой же он всё-таки самоуверенный тип, аж тошнит от него.

— Ты мне давно не интересен, — не выдержала Люся. — И хватит на меня пялиться. Тебе есть кого разглядывать.

— Чего я там не видел, — спокойным голосом ответил он, будто она сказала что-то смешное.

Люся уже набрала воздуха, чтобы нахамить ему как следует, но в этот момент к ним вернулась Катя. Она поднялась по лестнице и встала между ними, переводя взгляд с брата на подругу.

— Что у вас тут происходит? Опять ругаетесь?

— Он сам меня цепляет, — сразу сказала Люся.

Катя строго посмотрела на брата, и Люся с удовольствием отметила, что под этим взглядом Виталий слегка сник.

— Может, хватит уже? — спросила Катя. — Если ты поругался со своей курицей, то в этом только твоя вина.

— Она не курица, — обиделся Виталий. — Не нужно её так называть.

Он развернулся и ушёл, перешагивая через ступеньку. Люся смотрела ему в спину. Вот, значит, что заставило его остаться здесь. Ссора с англичанкой.

— И чем я должна тебе помочь? — спросила она, когда шаги наверху стихли. — Вроде бы тут и без меня помощников хватает.

— Люсь, я чуть-чуть обманула тебя, — Катя взяла её под руку и понизила голос. — Мне просто хотелось с тобой поболтать по секрету до приезда гостей. Потому что потом уже не получится.

— Ладно, — согласилась Люся.

— Ну что, пойдём в комнату или ты проголодалась? — спросила Катя.

— Если честно, я бы перекусила, — призналась Люся. — Дома я выпила только чашку чая и сразу приехала.

— Хорошо. Пошли к маме на кухню. Там тебя ждут твои любимые булочки.

Люся улыбнулась и была благодарна подруге за понимание. Катя не стала читать морали и не сказала ни слова про платье и про то, что гостя вообще-то приехала помогать.

На кухне они сели за обеденный стол, сделали себе чай и взяли по булочке. Елена Николаевна куда-то вышла, и в кухне стало тихо и уютно.

— Что ты будешь делать, если придёт твой возлюбленный? — спросила Люся у подруги и откусила булочку.

Та пожала плечами и отломил кусочек булочки.

— Не знаю, если честно, — сказала она, прожевывая. — Постараюсь, наверное, подтолкнуть его к поцелую. Сегодняшняя атмосфера позволит это сделать: гости, музыка, настроение.

— И как ты это сделаешь? Скажешь «Поцелуй меня»?

Катя хихикнула и прикрыла рот рукой, чтобы не прыснуть чаем.

— Можно и так. Будет забавно посмотреть на его выражение лица.

Они засмеялись так громко, что не заметили, как на кухню вернулась Елена Николаевна. Она поставила на стол тарелку и села к ним.

— О чём болтаете, девчонки? — спросила она.

— Да так. О всякой ерунде. Обычный девичий трёп, — отмахнулась Катя и потянулась за чашкой.

— Понимаю, — Елена Николаевна улыбнулась и поправила край скатерти. — Только не забывайте, что через пару часов здесь будет полный дом гостей.

— И много будет гостей? — удивлённо спросила Люся, приподняв бровь.

— Человек тридцать, — спокойно ответила Елена Николаевна, будто речь шла о чём-то совершенно обыденном.

Люся ахнула и едва не поперхнулась чаем. На свадьбах ей случалось видеть меньше людей. А тут обычный день рождения, даже не юбилей, и тридцать человек. Она прикинула, во что обойдётся такой вечер, и цифра ей не понравилась. Хотя чему тут удивляться: Катя любила шикануть и показать себя во всей красе. Да и почему бы этого не сделать, если финансы

позволяют погулять на широкую ногу. Елена Николаевна работала в администрации города помощником губернатора, а сама Катя имела собственный магазин женской одежды.

— Так, хватит нам сидеть, пора устроить примерку, — сказала Катя и вскочила из-за стола. Стул скрипнул по полу, чашка звякнула о блюдце.

Видимо, только сейчас до неё дошло, что совсем скоро придёт тот, в кого она влюбилась, и перед ним она должна выглядеть на все сто. Весь этот разговор про гостей и поцелуй был для неё только началом, а главное ждало наверху, в шкафу, среди платьев.

Люся допила чай и встала следом, собирая со стола крошки.

ГЛАВА 2

Катя перемерила кучу платьев, но ничего ей не нравилось. Кровать уже была завалена платьями, на спинке стула висели ещё три, а на полу валялись снятые вешалки. Она крутилась перед зеркалом, одёргивала подол, поворачивалась боком и снова морщилась. Потом начала психовать: сбросила одно платье на кровать, другое, сказала, что лучше вообще отменить вечеринку. Люся покачала головой, подошла к шкафу с платьями и заглянула в него. Там оставалось висеть ещё несколько, их Катя даже не доставала. Люся отодвинула вешалки, выбрала лиловое платье на бретельках и вытащила его. Лёгкая и приятная ткань переливалась в руках, ловила свет из окна и струилась между пальцами.

— Примерь его, — сказала Люся и протянула платье подруге.

Катя посмотрела на него с сомнением, потом неуверенно взяла в руки, будто оно могло её укусить. Ткань легла ей на ладони, тонкая и прохладная.

— Ты думаешь, это то, что мне нужно? — спросила она, всё ещё держа платье на весу.

— Ты для начала померь его. А вдруг тебе понравится? — Люся подтолкнула её к зеркалу.

Катя прислушалась к совету подруги и надела платье. И, как оказалось, не зря. Оно смотрелось на ней превосходно: бретельки держались на плечах, ткань мягко обтекала фигуру, подол ложился ровными складками. Белокурые волосы переливались в такт лиловому платью. То, что нужно, если она хочет привлечь к себе внимание мужчины.

— А как зовут его? — спросила Люся, присаживаясь на край кровати между платьями.

— Кого? — Катя обернулась от зеркала, будто не поняла, о ком речь.

— Ну того, которого ты с нетерпением ждёшь сегодня.

— Костя, — сказала Катя, и имя прозвучало тише остальных слов, будто она произнесла его про себя.

— Думаю, что сегодня он сойдёт с ума, как увидит тебя в этом платье, — Люся улыбнулась её отражению.

— Ты думаешь? — Катя прикусила губу и снова повернулась к зеркалу.

— Я в этом уверена, — сказала Люся и, подойдя, поправила бретельку у неё на плече. — Ты только посмотри на себя. В таком платье тебя никто не сможет не заметить, даже если очень захочет.

Катя улыбалась, разглядывая себя в зеркало. Она поворачивалась то одним боком, то другим, поправляла волосы, отводила прядь за ухо. По загадочному выражению её лица было понятно, что она думает о нём и представляет в своих фантазиях их первый поцелуй. И, похоже, там было всё прекрасно: она даже закусила губу и тихо засмеялась своим мыслям.

— У меня впервые такое. Я веду себя как школьница, — сказала она, не отрывая взгляда от отражения. — Когда вижу его, мои ноги начинают подкашиваться. Мысли в голове начинают путаться. Я даже забываю, что хотела сказать.

Сейчас Катя лукавила или просто не запоминала тех, в кого она влюблялась, а происходило это часто. Люся могла бы вспомнить не одного мужчину, в которого подруга влюблялась так же сильно, и не одного, о ком потом не хотела слышать. Но она не стала поправлять её и напоминать о предыдущих чувствах. Тем более сегодня это было бы неуместно.

— Значит, ты думаешь, что это любовь? — спросила Люся без насмешки, скорее из любопытства.

— Я не думаю, я знаю, — сказала Катя с такой уверенностью, что спорить расхотелось.

Люся снова ничего не сказала. Лишь улыбнулась в ответ, и Катя поняла эту улыбку по своему, как всегда понимала.

Через полчаса должны были начать прибывать гости, и Катя предложила спуститься вниз. Нужно было убедиться, чтобы всё было готово для праздника: столы, посуда, места.

Внизу, в большой гостиной, поставили круглые столы и стулья. На столах стояли карточки с именами, и Люся невольно подумала, что рассадить тридцать человек так, чтобы никто ни с кем не поссорился, было отдельной работой. За каждым столом получалось по пять человек. Елена Николаевна решила уехать к подруге, чтобы не мешать молодёжи, и её уже не было в доме. Официантки расставляли столовую посуду, тихо звенели бокалами. К ним присоединился Виталий. Чему Люся была не особо рада. Честнее сказать, совсем не рада.

— От тебя так вкусно пахнет, — шепнул он ей на ушко, наклонившись так близко, что она почувствовала его дыхание. — Меня это заводит.

Люся вздрогнула и отшатнулась, будто её облили холодной водой.

— Отвали от меня, — сказала она сквозь зубы. — И не приближайся. Иначе я за себя не ручаюсь.

Она готова была вцепиться ему ногтями в горло, но держала себя в руках. Его тупые подкаты напрягали её, и хуже всего было то, что он ни капли не сомневался в своём праве так с ней разговаривать.

— Виталий, — к ним подошла Катя и, судя по голосу, уже поняла, что здесь происходит. — Там твоя мадам приехала.

— Что? — он обернулся, будто впервые за вечер вспомнил о её существовании.

— Иди встречай, — повторила Катя и кивнула в сторону прихожей.

Виталий нехотя отлепился от стола и пошёл к двери, на ходу одёргивая рубашку.

Люся даже вздохнула с облегчением. По крайней мере теперь ему будет чем заняться.

— Опять приставал? — тихо спросила Катя, и в её голосе не было ни удивления, ни осуждения, только усталость.

— Достал он уже, — сказала Люся и резко замолчала. Она постояла минуту, глядя в сторону прихожей, потом добавила тише: — Прости. Он твой брат, но для меня он бывший, которого я не перевариваю. Он бесит меня.

— А мне кажется, он до сих пор любит тебя, — Катя понизила голос. — Поэтому и пытается всячески тебя зацепить.

Люся посмотрела на подругу так, будто та сказала что-то на чужом языке. Ей явно в голову что-то ударило. О какой любви она сейчас говорит? Она ничего не забыла?!

— Он мне изменил, — напомнила Люся, и голос сорвался. — Ты вообще помнишь, за что я его выгнала?

— Люсь, все мужчины изменяют, — Катя пожала плечами. — Такова реальность.

— Что? Ты сейчас серьёзно? По-твоему, я должна его простить?

— А почему бы и нет, — сказала Катя спокойно, будто речь шла о том, чтобы помириться после мелкой ссоры.

Люся почувствовала, как у неё горят щёки.

— Так, всё, закрыли тему. Иначе мой мозг не выдержит и взорвётся.

— Хорошо, — ответила Катя и опять куда-то ушла.

Люся стояла одна посреди гостиной и смотрела на пока пустые столы. Сейчас она злилась не только на Виталия, но и на его сестру тоже. Как вообще можно простить измену? И зачем это делать? А что потом? Делать вид, что всё прекрасно, улыбаться за завтраком, спрашивать, как прошёл день, и знать, что где-то есть другая? Нет уж! Это не для неё. Если изменил, значит

не любил, и никакие слова этого не перепишут. У Кати сегодня точно в голове каша. Или на неё так действует этот Костя: влюблённая женщина готова простить всему миру то, чего не простила бы себе. Интересно, а если бы ей изменил возлюбленный, она бы смогла простить? Люся усмехнулась и покачала головой.

Гости потихоньку начали собираться. Большинство из них Люся знала: соседку по подъезду, женщину из администрации, с которой Елена Николаевна работала вместе, пару Катиных подруг со студенческих времён. Были и те, кого она видела впервые, и им приходилось улыбаться вдвойне приветливо. Люся стояла рядом с Катей, принимала вместе с ней поздравления, говорила «спасибо, ей очень приятно», будто это был её праздник, и ловила себя на том, что улыбка давно живёт на лице отдельно от неё. В гостиной становилось шумно, пахло духами и цветами. Когда все собрались и расселись по своим местам, Катя постучала ножом по бокалу и поблагодарила всех за поздравления и за то, что смогли прийти. После этого гости принялись за еду, переговариваясь между собой. Кто-то говорил о работе, кто-то о любви, а кто-то просто молчал. Люся была одной из тех, кто молчал. Она не знала, о чём говорить с людьми, с которыми оказалась за одним столом, и потому смотрела в тарелку. Катя как будто специально посадила за один стол её, Виталия и его англичанку. Сама Катя тоже сидела с ними и молчала, как и Люся, и было понятно почему: один стул за этим столом пустовал. Тот, кого она ждала, так и не пришёл. А вот англичанка щебетала без умолку. Люся и раньше думала, что та дура, а теперь окончательно в этом убедилась, слушая, как она щебечет перед Виталием. Виталий не обращал на неё внимания: он смотрел только на Люсю.

Через какое-то время в дверях появился мужчина лет тридцати пяти, и гости невольно обернулись к нему. Он постоял секунду, оглядывая столы, отыскал взглядом нужный и пошёл прямо к ним, обходя официанток. Подошёл и протянул Кате небольшую подарочную коробочку, перевязанную лентой. На её лице тут же появилась обворожительная улыбка, и вся обида, с которой она просидела за столом, исчезла.

— Извини, что опоздал. Попал в пробку.

— Ничего страшного, — ответила она милым голоском.

Ага. Ничего страшного. Буквально минуту назад Катя готова была убить его взглядом: сидела надутая, не притрагивалась к еде и молчала так, что за столом становилось холодно. Зато сейчас «ничего страшного». Люся хмыкнула, но ничего не сказала и сделала вид, что очень занята салатом.

— Я Костя, — сказал мужчина и обвёл взглядом стол. — Друг Кати.

— Очень приятно, — ответила Люся и протянула ему руку.

— Мне тоже приятно, — встряла англичанка раньше, чем он успел ответить, и улыбнулась ему так широко, будто это её поздравляли.

Виталий и Костя пожали друг другу руки, коротко, по-мужски. После этого Костя сел за стол, на тот самый пустой стул.

Какое-то странное чувство появилось внутри. Люся смотрела на Костю, на то, как он ставит коробочку перед Катей и поправляет салфетку, и не могла отделаться от мысли, что уже видела этого мужчину. Лицо было знакомым, а память упрямо не отдавала ни места, ни обстоятельств. Может, в магазине? Может, на какой-то встрече? Она перебирала и не находила.

— Всё нормально? — вдруг спросил Виталий, и она вздрогнула.

— Нормально, — ответила Люся, не поворачиваясь.

Люся задумалась о том, нормальный ли Виталий человек или нет. Сидит со своей девушкой, держит её за руку, кивает ей, а сам наблюдает за другой. И ведь не прячет взгляда, не смущается, будто так и надо. Ну не могла Катя посадить их так, чтобы они с Виталием оказались за разными столами? Неужели трудно было подумать, когда рассаживала гостей? Тогда было бы лучше для всех: и для неё, и для англичанки, и для самого Виталия.

Заиграла медленная музыка, и Люся повернулась к девушке, которая стояла посередине гостиной с микрофоном в руке. Свет к этому времени приглушили, и в полутьме лица гостей стали мягче и добрее. Девушка дождалась первых тактов и запела. Её голос был таким успокаивающим и захватывающим, что Люся внимательно слушала каждое слово в этой песне, даже не пытаясь понять, знакома ли она ей. У певицы действительно был приятный голос, и пела она красиво: тихо, без надрыва, но так, что за столом все замолчали.

Неожиданно к Люсе подошёл мужчина, который сидел за соседним столиком, и, склонив голову, пригласил её на медленный танец. Он был ей незнаком, но улыбался приветливо и протягивал руку так, что отказать было неловко. Впрочем, неловкость Люсю не остановила: она и не думала соглашаться. Поэтому культурно отказала ему, сославшись на то, что не умеет танцевать, и виновато развела руками. Мужчина кивнул, пожелал хорошего вечера и вернулся за свой столик.

— И зачем ты обманула человека? — вдруг спросил Виталий, и в голосе его было столько делового участия, будто он переживал за того мужчину больше, чем за себя.

Люся посмотрела на него и ответила:

— Чтобы ты спросил.

Она ждала, что он отступит, но Виталий подался вперёд, опершись локтем о стол.

— Вот я и спрашиваю, зачем? Ты же прекрасно танцуешь.

— Тебе какая разница? — Люся поставила бокал. — Удели время своей даме.

Англичанка сразу же отреагировала на эти слова, будто только их и ждала.

— Он уделяет мне достаточно времени, — сказала англичанка с милой улыбкой. — Так что не нужно беспокоиться.

Люся закатила глаза и проигнорировала её слова, хотя это оказалось сложно: так и тянуло ответить, чтобы у той не осталось сомнений. Катя и так уже недовольно косилась в их сторону и всем своим видом давала понять, что ей это не нравится. По её лицу было видно: ещё немного, и она скажет такое, что запомнится всем гостям. А Люсе, судя по всему, только и нравилось сидеть за одним столом со своим бывшим. Капец блин.

— Катя, можно тебя на минутку? — вдруг сказал Костя.

— Да, конечно.

Они встали из-за стола и вышли из гостиной. Люся проводила их взглядом.

Люся была благодарна Косте за то, что он увёл Катю. Теперь она сможет высказать Виталию всё, пока именинница не слышит и никто не схватит её за руку со словами «Люсь, ну хватит».

Она наклонилась над столом, опершись на локти, и заговорила тихо, почти не разжимая губ.

— Значит так, придурок. Если ещё хоть раз ты вступишь со мной в диалог, я врежу тебе при всех. И пусть тебе потом будет стыдно. А ты... — Люся повернулась к англичанке. — Вообще не смотри в мою сторону. Представь, что меня здесь нет.

— А то что? — англичанка вскинула брови.

— А то пожалеешь, что пришла сюда, — сказала Люся.

Она произнесла это ровно, без крика, глядя англичанке прямо в глаза, и оба сразу успокоились. Видимо, поняли, что она не шутит.

Когда Катя и Костя вернулись к столу, Люся улыбнулась подруге так, будто всё это время просидела с самым безмятежным видом.

— Ещё раз хочу поздравить тебя с днём рождения. Будь счастлива. — Она подняла бокал шампанского, дождалась, пока Катя поднимет свой, и сделала пару глотков.

— Спасибо, моя хорошая, — Катя прижала к груди коробочку от Кости и посмотрела на подругу.

— Твой подарок ждёт тебя у меня в кабинете. Как ты и мечтала.

— Да ладно, ты создала мой парфюм? — Катя округлила глаза.

— Да, — кивнула Люся.

— Ура! — взвизгнула Катя от удовольствия и хлопнула в ладоши так, что сидевшие за соседним столом обернулись.

— А кем вы работаете? — спросил Костя, и за столом как-то сразу стало тише.

Люся посмотрела на него, и её тело пронзил ток, будто она коснулась оголённого провода. Опять появилось ощущение, что она его знает. Но откуда? Она не была с ним лично знакома, это она помнила точно. Такого красавца она бы запомнила: тёмные волосы, линия скул, руки, которые спокойно лежали на столе. Так, стоп. Это мужчина её подруги. И она не имеет права считать его красавчиком, даже про себя. Это некрасиво по отношению к Кате, которая сидит рядом и светится от счастья. Люся опустила глаза в тарелку и заставила себя думать о салате.

— У Люси свой парфюмерный магазин, — ответила за неё Катя, и в голосе её была гордость, будто магазин был общим. — А ещё она может создать для человека индивидуальный аромат.

— Интересно. — Костя посмотрел на Люсю, и она почувствовала, что краснеет. — А для меня смогли бы создать парфюм?

— Конечно, — тут уже Люся ответила сама. Голос вышел ровным, и она обрадовалась этому.

А Катя в этот момент положила свою руку на его руку и сделала это так, чтобы заметили все присутствующие за столом: медленно, будто ставила печать. Как будто она уже его женщина.

— И где вас найти? По какому адресу находится ваш магазин? — продолжал Костя, не замечая поведения Кати и не отводя взгляда от Люси.

— Я тебе покажу, — сказала Катя раньше, чем Люся успела открыть рот. — Мы с тобой завтра к ней поедem. Заодно я заберу свой подарок.

Люсе показалось, или Катя приревновала Костю к ней? Но с чего бы. Он просто попросил об услуге, не более того. А она ведёт себя так, как будто у неё уведят мужчину: кладёт руку, говорит за подругу, решает, когда они поедут. Люся посмотрела на Катю: та улыбалась, а глаза оставались холодными. Стало даже неприятно.

— Приезжайте к часам двенадцати, — сказала Люся. — Я буду там.

Мужчина, который совсем недавно приглашал её на танец и получил отказ, попробовал ещё раз испытать удачу. Он подошёл с той же приветливой улыбкой, но держался чуть увереннее, будто знал, что во второй раз ей труднее будет сказать «нет». И не ошибся. Люся согласилась. Не потому, что хотела танцевать, а потому что Катя приревновала Костю к ней. Чтобы подруга успокоилась, Люся решила держаться в стороне: пусть видит, что она занята и что ей есть с кем потанцевать. А то не хватало ещё поссориться. Хотя они ни разу не ссорились, тем более из-за мужчин. Не было такого.

— А вы прекрасно танцуете, — заметил мужчина, с которым она танцевала, и чуть подтянул её к себе, чтобы не наступить на чью-то ногу.

— Спасибо, — сухо ответила она.

Больше она ничего не добавила: не спросила, как его зовут, не поддержала разговор о музыке. Все её мысли в этот момент занимала Катя. Люся танцевала и смотрела поверх его плеча туда, где за столом сидела подруга: как она держит бокал, как улыбается Косте, как проверяет, куда смотрит Люся.

Люся даже не обратила внимания на своего партнёра по танцам и не заметила, что он достаточно красив, что женщины, находящиеся сейчас в гостиной, смотрят на него влюблёнными глазами. И этого Люся тоже не замечала. Она просто танцевала и всё. Разглядывать, насколько красив этот мужчина, она не собиралась. Но вот голос ей его понравился: в нём чувствовалась уверенность, от которой почему-то становилось спокойнее.

— А вы сказали, что не умеете танцевать, — напомнил он.

И тут до неё дошло, что он понял про её обман. Стало даже неловко перед ним, и щёки налились лёгким румянцем, который она надеялась списать на танец.

— Извините меня, — сказала Люся. — Просто не хотелось танцевать.

Она посмотрела ему в глаза и на какое-то мгновение замерла, забыв про шаг. Было что-то притягивающее в его глазах, спокойное и тёплое, и от этого взгляда у неё перехватило дыхание.

— И что изменилось? — продолжил он, не сводя с неё взгляда, от которого становилось жарко.

— Ничего, — призналась Люся. — Просто там, за столом, где я сижу, сидит мой бывший. И меня, если честно, он раздражает. Так раздражает, что хочется уйти.

Она сказала это и сама удивилась, зачем говорит такое незнакомому мужчине. Но отступить было поздно.

— Хм. Вот в чём проблема, — он чуть улыбнулся, будто услышал что-то знакомое. — Я могу вам помочь решить её.

Люся округлила глаза.

— И как же вы можете мне помочь в данной ситуации?

— Если хотите, можете пересесть за мой столик, — сказал он просто, будто предлагал передать соль. — У нас есть свободное место.

Предложение было неожиданным, но Люся была согласна, лишь бы подальше от Виталия и его англичанки. Катя, думаю, не обидится: ей сейчас явно не до неё, она не сводит глаз с Кости.

— Я согласна, — сказала Люся.

— Вот и хорошо, — он улыбнулся, и от этой улыбки у неё внутри что-то ёкнуло.

Медленная музыка прекратила играть, и танцующие пары разошлись по своим местам. Кто-то возвращался к столу, кто-то хлопал певице.

— Меня зовут Сергей, — сказал он, когда они отошли от центра гостиной.

— А я Люся, — ответила она и только теперь поняла, что за весь танец так и не спросила его имени.

Она взяла его руку и повела к столику, где сидела подруга и бывший. По дороге она чувствовала, как на них смотрят.

— Надеюсь, никто не обидится, если я пересяду за другой столик, — громко сказала Люся, чтобы услышали все. Она повернулась к Сергею и добавила уже мягче: — К этому симпатичному мужчине.

Катя ахнула и даже приоткрыла рот от удивления: такого от подруги она явно не ожидала. Виталий попытался что-то сказать, уже набрал воздуха, но не успел, потому что Сергей опередил его.

— Не переживайте, — сказал он спокойно. — Я не обижу Люсю.

Люся зачем-то посмотрела в сторону Кости. Может, ждала, что он скажет хоть слово и это слово всё расставит по местам: пусть остаётся, пусть идёт, мне всё равно. Он сидел молча. Руки спокойно лежали на столе рядом с бокалом, длинные пальцы одна к другой, салфетка под ними сложена ровно, как в ресторане. Ни один мускул на его лице не дрогнул: ни в бровях, ни в уголках губ, будто он смотрел не на неё и не на Сергея, а куда-то сквозь стол, в стену за ним.

А вот в глазах она увидела как будто тоску. Таковую, от которой хочется отвести взгляд и разглядывать скатерть до конца вечера. Или, может, ей снова что-то показалось: свет давно приглушили, певица допела последнюю строчку, за соседним столом кто-то засмеялся невпопад, и в этой суе легко принять за тоску обычную усталость человека, который весь вечер просидел на чужом празднике. Люся досчитала до трёх, ожидая, что он поднимет глаза. Он не поднял.

— Хорошо, — ответила за всех Катя. Голос у неё был ровный и слишком громкий для того, что происходило за столом; она сказала это так, будто закрывала тему насовсем. Рука её всё ещё лежала на руке Кости, и она не сняла её, только чуть подвинула пальцы. — Мы не против.

Люся забрала свою сумочку, которая висела на спинке стула. Маленькая, в тон бирюзовому платью, с тонким ремешком: телефон, ключи, карта, больше туда ничего и не поместилось бы. Ремешок зацепился за резную спинку, и она дёрнула его дважды, прежде чем он поддался. Сергей стоял рядом и ждал, не торопя её.

Она обошла стол, улыбнувшись напоследок так, будто уходила всего на минуту. Кто-то из гостей обернулся и проводил её взглядом, официантка с подносом посторонилась. Виталий привстал было, но так и остался сидеть, комкая в кулаке салфетку. Катя смотрела ей вслед поверх бокала, и в её глазах было столько всего, что Люся предпочла не разбираться: разберётся, потом всю ночь не уснёшь.

— Спасибо вам. Вы спасли меня, — сказала она, когда они отошли от стола, и только теперь заметила, что пальцы у неё дрожат. Она спрятала их в сумочку, будто искала там что-то нужное.

— Ерунда, — ответил Сергей, и в голосе не было ни насмешки, ни снисхождения, одно спокойствие.

— Не ерунда. Ещё немного, и был бы скандал. Я еле держалась, чтобы не наброситься на Виталия.

За столом, где сидел Сергей, были ещё один мужчина и две женщины. Мужчина в пиджаке без галстука, седой, с обветренным лицом, и две женщины: одна постарше, в тёмно-синем платье с брошью у ворота, вторая помоложе, стриженная, с тонкой цепочкой на шее. Все трое вежливо улыбнулись и задвигали стульями, освобождая ей место. Женщина в синем даже подвинула к Люсе вазу с цветами, чтобы та не задевала её локтем.

Стол оказался дружелюбным. Её сразу спросили, не замёрзла ли она у окна, и кто-то подлил воды в стакан, даже не дожидаясь ответа. Разговор шёл о предстоящей осени: о том, что лето в этом году выдалось сухим, что сентябрь обещают тёплый, а к октябрю город всё равно зальёт дождями. Женщина в синем рассказывала про дачу, седой мужчина поддакивал и посматривал на часы, а стриженная смеялась над чем-то своим. Люсе понравились люди, с которыми она сидела теперь. С ними не нужно было играть в вежливость, они и так её не требовали.

Сергей предложил шампанского. Люся согласилась, и он кивнул официантке, которая уже несла к столу бутылку в ведёрке со льдом. Пробка хлопнула негромко, пена поднялась к самому горлышку, и он разлил вино по бокалам ровно, ни капли мимо. Предложил выпить за знакомство. Все чокнулись, тонкое стекло зазвенело вразнобой, и Люся почувствовала под пальцами холод бокала.

Осушили за пару секунд, будто пили воду. Она поставила пустой бокал на стол и выдохнула. Через некоторое время шампанское ударило в голову: тепло поднялось к щекам, плечи отпустило, голоса за соседними столами перестали раздражать и слились в один ровный гул. Ей стало легко, так легко, как не было весь этот длинный вечер.

Она начала флиртовать с Сергеем: смеялась чуть громче, чем нужно, наклоняла голову, когда он говорил, и не отводила глаз. И не замечала, что двое мужчин с соседнего стола наблюдают за ней, оба делая вид, что смотрят совсем в другую сторону.

Сергей всё время пытался коснуться её. То провёл пальцами по её руке, будто невзначай, то задержал ладонь на плече, то поймал между пальцами прядь у самого уха и выпустил. Каждый раз это длилось секунду, и каждый раз Люся ещё несколько мгновений чувствовала это место на коже. Она не отстранялась.

Ей хотелось веселиться, танцевать, смеяться над шутками, которых утром не вспомнишь, и флиртовать с Сергеем, не думая о последствиях. Она и не думала. Наклонялась ближе, когда он что-то говорил, отвечала не сразу, будто взвешивала, и смотрела на него чуть дольше, чем требовал разговор.

Когда новый знакомый в очередной раз коснулся её руки, Виталий оказался рядом так внезапно, будто вырос из-под пола. Он принёс свой стул, поставил его вплотную к её стулу, и ножки скрипнули по паркету. Сел, подавшись вперёд, и Люся уловила знакомый запах, от которого у неё заныло под ложечкой.

— Люсь, может, тебе пора вернуться обратно к нам за стол? — сказал он тихо, почти миролюбиво, и от этого миролюбия у неё сразу зачесались кулаки.

— Зачем? — усмехнулась Люся, откидываясь на спинку стула.

— Чтобы завтра проснуться в своей кровати, а не в кровати незнакомого мужика, — договорил Виталий спокойно, будто зачитывал расписание, и от этого спокойствия у неё внутри что-то оборвалось.

Люся вспыхнула. Кровь прилила к лицу разом, будто кто-то плеснул ей в щёки горячей воды, и в ушах зашумело. Она не помнила, как поднялась рука. Только почувствовала, как ладонь прошла по воздуху и звонко ударила по его щеке, громче, чем она ожидала, так громко, что в соседнем столе кто-то ахнул и уронил вилку.

На секунду за столом стало тихо. Совсем тихо, будто кто-то выключил музыку и всех гостей разом. Виталий медленно повернул голову обратно, и на щеке у него проступило красное пятно. Люди за соседними столами принялись шептаться, и Люся краем уха услышала, как за спиной кто-то сказал «пьяная» и кто-то другой тихо засмеялся.

— Я ещё раз повторяю, вернись на место, — сказал Виталий, и голос у него сел. Он тёр щёку, которая, видимо, горела.

Тут из-за стола встал Сергей. Он не спешил, поставил бокал ровно посередине салфетки и отодвинул стул так, что ножки проехали по паркету. По его лицу было видно, что он собирается начистить морду её бывшему, и это случилось бы, если бы не вовремя подошедшая Катя с Костей.

Катя подошла и встала между Сергеем и Виталием, будто ставила перегородку. Лиловое платье на ней уже помялось, бретелька сползла, но она этого не замечала. Одну руку она положила Сергею на локоть, а второй, ладонью вниз, показала брату, чтобы тот сел.

— Прекратите! На вас люди смотрят, — сказала она негромко, но так, что услышали за обоими столами. Костя остановился в шаге от неё и не вмешивался.

Она возмущённо покосилась на Люсю, и Люся, хоть и выпила лишнего, прекрасно уловила её взгляд. В нём не было злости. Было что-то похуже: так смотрят на ребёнка, который опозорил родителей при гостях. Люся вдруг отчётливо поняла, как они сейчас выглядят со стороны: именинница в помятом платье, её брат с красной щекой, незнакомец мужчина, готовый драться, и она сама, пьяная, с поднятым подбородком.

— Знаешь, Катя, а это твоя вина, что так всё вышло, — сказала Люся громче, чем собиралась. — Не нужно было сажать меня за один стол с моим бывшим.

Катя ахнула и приложила руку к груди. Она открыла рот, посмотрела на гостей, потом на Костю, будто искала у него поддержки, и ничего не ответила. Молчание получилось хуже любого спора.

— Так, давайте все успокоимся, — сказал вдруг Костя. Голос у него был негромкий, без нажима, и от этого спокойствия в нём оказалось больше веса, чем в чужом крике. — Лучше поговорить об этом завтра, не сейчас, когда вас все слушают.

И как ни странно, к нему все прислушались. Катя опустила руку, которой ещё секунду назад показывала брату на стул. Виталий сел, поправив воротник, будто ему вдруг стало душно. Сергей постоял ещё мгновение, глядя на него сверху вниз, потом вернулся на своё место, и

стул под ним скрипнул. За соседними столами гости стали разворачиваться обратно к тарелкам, кто-то громко попросил передать хлеб, и музыка, до этого казавшаяся притихшей, снова поплыла над залом.

Люсе оставалось только не провоцировать дальше. Она обошла стол и села на своё место, между Виталием и англичанкой, и подвинула стул так близко к скатерти, будто хотела спрятаться за ней. Взяла вилку, повертела в пальцах и принялась ковырять остывшее мясо, не поднимая глаз. Англичанка что-то сказала ей через плечо, кажется, спросила про салат, но Люся не ответила и не проронила больше ни слова до конца вечера.

Остаток вечера Люся просидела за столом и думала лишь о том, поскорее бы оказаться дома и не видеть больше Виталия. Время шло медленно и неровно: то тянулось, как жвачка, то пропадало целыми кусками. Кто-то произносил тост, гости поднимали бокалы, официантки уносили тарелки и приносили новые. Певица сменила песню на что-то повеселее, и несколько пар вышли танцевать. Люся на танцующих не смотрела, только на стрелки часов над дверью в прихожую.

Если бы не ревностное поведение Виталия, Катя сейчас не обижалась бы на неё. Из-за него подруга и обиделась, а сидела теперь в двух локтях, повёрнутая к Косте, и ни разу за весь вечер не посмотрела в её сторону. Виталий тоже молчал, ковырял вилкой в тарелке и то и дело бросал на Люсю короткие взгляды, будто ждал, что она первая что-нибудь скажет. Она не собиралась. Англичанка рядом щебетала про погоду и про платье, и её голос раздражал хуже любого шума.

Люся снова почувствовала себя одинокой, даже находясь в толпе народу: вокруг смеялись, чокались, кто-то уже прощался у дверей, а она сидела в самом центре и как будто смотрела на всё через стекло. Сергей больше не подошёл к ней, как будто испугался. Она ещё пару раз поймала его взгляд издали, но он тут же отводил глаза и поворачивался к своему седому соседу. Это тоже задевало. Она подумала, что понравилась ему, но, видимо, ей это показалось. И вообще сегодня ей постоянно всё кажется.

Спустя часа полтора Люся приняла решение поехать домой. Часы она больше не разглядывала, чтобы не сойти с ума, но эти полтора часа всё равно шли медленнее, чем весь год до них. Потом выдохнула, будто перед прыжком, и потянулась к сумочке. Достала мобильник, прикрыла экран ладонью, чтобы свет не бросался в глаза, и открыла приложение. Набрала адрес, дождалась, пока найдутся машины, и нажала вызвать, ничего никому не говоря.

Ответ пришёл быстро: такси будет через двадцать минут. Люся убрала телефон и ещё посидела, держа пальцы на застёжке сумочки, будто кто-то мог её сейчас остановить. Встала. Стул отъехал с тихим скрипом, но никто за столом не обернулся. Она прошла через гостиную, огибая танцующих, кивнула официантке с пустым подносом, миновала зеркало в прихожей, в котором мелькнуло её же отражение с блестящими глазами, и взялась за дверную ручку.

На крыльце стало прохладно. Ночной воздух пах мокрой листвой и чужим дымом с соседнего участка. Люся прошла по дорожке, стараясь не стучать каблуками по плитке, открыла калитку и вышла за ворота, где уже мигала фарами припаркованная у обочины машина.

Машина тронулась плавно, и Люся откинулась на сиденье, пахнущее чужой чистотой и каким-то синтетическим цветком. Водитель тихо спросил адрес, она назвала его и отвернулась к окну. И только тогда, когда за стеклом поплыли сначала заборы, потом редкие фонари, она заплакала. Не громко, без всхлипов, просто слёзы пошли сами и потекли по щекам, собираясь у подбородка. Она их не вытирала, пока не стало щипать кожу, и только потом полезла в сумочку за салфеткой.

Ей стало почему-то так обидно, что Катя посчитала её во всём виноватой. А это же не так. Разве она не видела, как Виталий к ней подсел, как задел её и как ждал повода поссориться? Он же весь вечер этого и добивался. Или Катя защищает брата только потому, что он её брат? Тогда это несправедливо, и никакой дружбы на такое не хватит. Люся покусала губу, подумала,

что если бы Катя поговорила с ним по-серьёзному, по-настоящему, он, может, и перестал бы её провоцировать. Но Катя не станет. У Кати сегодня Костя, и ей не до подруги.

Затренькал мобильник в руках. Люся посмотрела на экран и увидела номер Кати. Пальцы замерли над кнопкой. Можно было ответить, и тогда за пять минут они бы всё выяснили, как выясняли всегда. Но теперь она не хотела разговаривать с ней. Пусть подумает. Она выключила телефон, и экран погас, оставив на ладони тёмное стекло.

Если бы у Люси были родители, она бы сейчас поехала к ним. Позвонила бы от калитки, поднялась бы на крыльцо, и ей открыли бы ещё до второго стука. На кухне горел бы свет, на плите стояла бы кастрюля, и мама спросила бы, почему она такая бледная. Люся положила бы голову кому-то на плечо, и всё стало бы неважно: и вечер, и Катя, и Виталий с его красной щекой. Она даже знала, как это пахнет, хотя никогда такого не было. Пахнет чаем и чем-то тёплым, вроде выпечки.

Но, увы. Ей придётся вернуться в пустую квартиру, где её никто не ждал, где не горел свет и не пахло готовой едой. Она сама щёлкнет выключателем в тёмной прихожей, сама разует туфли, и тишина в комнатах будет стоять такая, что станет слышно, как гудит холодильник на кухне. Может быть, завести кота, чтобы по вечерам было не так одиноко. Кот хотя бы выходил бы её встречать в коридор и тёрся о ноги, требуя еды.

— Девушка, у вас что-то случилось? — вдруг спросил водитель и приподнял глаза к зеркалу заднего вида.

Люся вздрогнула. Она и забыла, что за рулём кто-то есть. Не хватало ещё, чтобы её жалел незнакомый мужчина. Она быстро провела под глазами тыльной стороной ладони, поправила волосы и сказала голосом ровным, каким отчитывалась перед клиентами в магазине:

— Нет. Всё нормально. Просто устала.

Она действительно устала. Так устала, что даже мысли в голове шли медленно, как по песку, и разговаривать не было никакого желания. Водитель как будто прочитал её мысли: не включал радио, не спрашивал, далеко ли ехать, не рассказывал про пробки. Замолчал и больше ничего не сказал. Всю дорогу до дома Люся ехала в тишине, а за окном мелькали фонари ночного города, тёмные витрины, светофоры, которые переключались с зелёного на красный без всякой надобности.

Машина остановилась возле подъезда. Люся расплатилась, поблагодарила и вышла, придерживая сумочку у бедра. Ночной воздух после машины показался холодным. Она не спеша зашла внутрь, кивнула консьержке и поднялась по лестнице, считая ступеньки и слушая, как её каблук отзывается под потолком. На площадке было темно, только лампочка над лифтом мигала. Она достала из сумочки ключ, повернула его дважды, толкнула дверь и вошла в свою уютную квартиру. Пахло пылью, духами и остывшим за день воздухом.

Ей захотелось смыть с себя этот вечер. Она на ходу сняла платье, оставив его лежать на полу в прихожей, потрепала волосы рукой, зашла в ванную и включила воду. Пока шла холодная, стояла и смотрела на себя в зеркало: тушь размазалась, на щеке след от салфетки. Потом вода нагрелась, пар поднялся к потолку, и она встала под него, подставив лицо. Стояла до тех пор, пока не протрезвела. Потом надела халат, поставила чайник и сделала себе горячего чаю, надеясь на то, что он согреет её.

ГЛАВА 3

Люся открыла глаза. Солнце снова светило сквозь окно и падало на лицо, тёплое, уже по-настоящему летнее, и в его полосе медленно кружилась пыль. Ещё один жаркий июльский день. За стеклом было тихо, только где-то во дворе переговаривались птицы да дворник скрёб метлой по асфальту. Она потянулась в кровати, вытянув руки и ноги, посмотрела на часы, зевнула. Было уже почти десять утра.

Пора бы встать с постели, но так лень было это делать. Простыня сбилась к ногам, подушка ещё хранила прохладу, и хотелось хоть маленько продлить это удовольствие: поле-

жать, никуда не спеша, посмотреть в потолок, послушать, как в квартире стоит тишина. Но она вспомнила про выключенный телефон и вскочила.

Она никогда раньше так не делала, потому что привыкла всё контролировать: с утра проверять сообщения, ответить девочкам, посмотреть поставки. А вчера вечером просто нажала на кнопку и погасила экран, и с тех пор телефон пролежал на тумбочке мёртвым. Люся схватила его и включила, пока шла на кухню, и по дороге в ладонь ударили одна за другой вибрации.

Очередное утро, очередной чай с лимоном. Она поставила чайник, достала кружку, отрезала ломтик лимона и подождала, пока вода закипит. Это уже был ритуал её будней. И это ей нравилось.

Посыпались сообщения, пропущенные звонки, уведомления из соцсетей, и Люся не знала, что открыть первым. Экран пестрел цифрами в красных кружках, и палец сам потянулся к рабочему чату: там набралось больше пятидесяти сообщений с вечера.

Девочки продолжали ссориться. Сначала кто-то написал коротко и обидно, потом вторая ответила в том же духе, потом пошли длинные абзацы с упрёками, скриншоты и смайлики, которых в ссоре совсем не хотелось видеть. Без вмешательства начальства они не успокоятся. Люся пролистала переписку вверх, потом вниз и поняла, что вчера днём забыла заехать к себе на работу. Обычно она заскакивала в магазин хоть на полчаса, даже в выходной, а тут весь день провела у Кати и не вспомнила.

Пока она пила чай, картинки со вчерашнего праздника всплывали в голове одна за другой. От них хотелось потерять память или стереть вчерашний день из головы, как стирают неудачное фото. Люся помнила всё: и тупые подкаты бывшего, и его англичанку с её щебетом, и Сергея, с которым она флиртовала на глазах у всех, и собственную звонкую пощёчину, от которой до сих пор саднила ладонь, если вспомнить. Но больше всего она запомнила поведение Кати. На неё она теперь была обижена.

Люся открыла звонки. В списке, сразу под чужим номером курьера, стояло имя Кати. Один вызов вчера поздно вечером, когда она уже ехала в такси, второй ночью, третий совсем недавно, наверное, пока Люся спала. У каждого красная пометка: пропущенный.

Она держала палец над именем и не нажимала. Стоило представить, как сейчас прозвучит голос подруги, и внутри всё снова поднималось: и вчерашний стол, и её «мы не против», и то, как Катя весь остаток вечера не смотрела в её сторону. Перезванивать сейчас, с несвежей головой и обидой в горле, было бессмысленно. Они наговорят друг другу лишнего и потом будут неделю это разгребать.

Сейчас ей нужно решить другую проблему: приехать на работу и помирить девочек. А потом уже набрать номер подруги или не набирать. Люся положила телефон экраном вниз и отодвинула его к краю стола. Она ещё не знала, как поступить: то ли первой извиниться за скандал, то ли ждать, пока Катя сама поймёт, что была неправа.

Допив чай, Люся сполоснула за собой кружку, поставила её в сушилку и вернулась в спальню. На кровати ещё лежало вчерашнее платье, брошенное как попало, и она, не глядя, смахнула его в сторону. Начала быстро собираться в магазин.

Расчесала волосы, собрала их в длинный хвост, но у висков всё равно выбились короткие пряди. Надела юбку, топ и пиджак, долго искала вторую серёжку и нашла её в кармане халата. Туфли сегодня обула без каблуков. После вчерашних шпилек ноги гудели, и им нужно было отдохнуть от каблуков, хотя без них она чувствовала себя ниже ростом и будто недособранной. Голова побаливала: то ли от выпитого шампанского, то ли оттого, что она не выспалась. Люся выпила стакан воды и тщательно прополоскала рот, чтобы не чувствовать вчерашнего привкуса. Потом взяла с комода затемнённые очки, надела их и посмотрела на себя в зеркало. С такими очками вчерашнюю ночь не было видно совсем. Достала из сумочки ключи от своей машины и вышла из квартиры.

На улице она вдохнула свежий воздух поглубже. Пахло цветами и свежим кофе из кофейни за углом, а под всем этим тонко тянуло нагретым с утра асфальтом. Люся как бы невзначай взглянула на парк. Там гуляли мамочки с детьми: одна катила коляску по аллее, вторая сидела на скамейке и следила, как малыш лезет по лесенке. Того, кого она хотела увидеть, не было. Ни у деревьев, ни у качелей, ни на дорожке. Даже стало грустно.

Люся прошла к своей машине, открыла дверцу и села за руль. В салоне было душно, как в теплице: за ночь он не остыл, а к утру нагрелся ещё сильнее, и руль обжёг ладони. Она опустила козырёк, включила кондиционер и посидела, глядя, как запотевают от холодного воздуха лобовое стекло, но ехать не спешила. Потом вспомнила, что забыла мобильник дома, в прихожей, где оставила его вчера, когда выключала. Возвращаться не хотелось: подниматься пешком, отпирать дверь, снова выходить. Ладно, в принципе на работе он ей особо не понадобится. Всех, кому она нужна, она увидит сегодня лично.

Простояв ещё несколько минут, Люся всё-таки завела машину и выехала с парковки на дорогу. Опустила окно, и ветер подул в салон, сразу освежив ей голову и мысли. Хотя мысли всё равно смешались в кашу. Она думала обо всём и ни о чём: о девочках, о смене, которая сегодня работает, о том, что надо бы помыть машину.

Всю дорогу до магазина Люся пыталась выбросить из головы вчерашний вечер, и все попытки были тщетны. А самое страшное было то, что в её голове то и дело всплывал образ Кости. О нём думать нельзя. Это табу. Он чужой, он занят, и занят подругой Катей. Значит, этот мужчина под запретом, и точка.

Но как только он всплывал в её голове, ей становилось не по себе, и ощущение, что она его уже видела, не отпускало. Значит, ей не кажется, и этому должно быть логическое объяснение. Она перебрала поставщиков, клиентов, случайные лица с выставок и приёмов, но ни одно не совпало с его лицом. Нужно просто хорошенько подумать и вспомнить, откуда она его знает.

Люся подъехала к своему парфюмерному магазину, встала на единственное свободное место у тротуара, заглушила машину и вышла. Простучала каблуками по асфальту, хотя собиралась идти без спешки, и остановилась у двери.

Над ней висела яркая вывеска «Парфюм с секретом». С названием Люся не заморачивалась: дала простое и запоминающееся, чтобы людям было легко его повторить. В витрине за стеклом стояли флаконы на подсвеченных подставках, и сквозь них просвечивало утреннее солнце.

Она улыбнулась и открыла дверь. Колокольчик над ней звякнул, предупреждая, что внутри появился человек, и сразу навстречу поплыл запах магазина: смесь сотни ароматов, которую она уже давно не различала по отдельности, как не различают свой дом.

Девочки, которые у неё работали, сразу изобразили улыбки, делая вид, что ничего не случилось. Кто-то поправил флаконы на полке, кто-то сделал вид, что вытирает прилавок. Магазин был большой, ассортимент парфюма тоже немаленький, поэтому в смене работали по три девушки. Два дня одна смена, два дня другая. Всего у неё было шесть продавщиц, две уборщицы и бухгалтер, который вёл всю отчётность магазина и знал о её делах больше, чем ей иногда хотелось.

— Здравствуйте, девушки, — сказала Люся и оглядела всех по очереди. Сняла тёмные очки и повесила их за дужку на лацкан пиджака, чтобы видеть глаза, а не своё отражение в чужих зрачках.

Они наперебой стали её приветствовать: кто громче, кто тише. Одна, стоявшая у кассы, чуть ли не пропела «доброе утро», другая буркнула что-то себе под нос и продолжила представлять флаконы, третья вышла из-за прилавка навстречу, будто хотела обнять. Каждая хотела выделиться, и каждая по-своему боялась, что разговор начнётся именно с неё. Люся не стала заострять на этом внимание. Она приехала сюда говорить совсем о другом.

— Вы, наверное, догадываетесь, о чём я хочу с вами поговорить? — Она обвела их взглядом, задерживаясь на каждой ровно настолько, чтобы стало не по себе. — Хочу послушать вас и понять суть конфликта.

В магазине стало тихо. Колокольчик над дверью молчал, кондиционер гудел где-то под потолком.

— Ничего особенного! — быстро ответила одна из девушек, голубоглазая, с волосами, собранными в высокий хвост. Она пожала плечом и поправила ценник на полке, будто разговор был пустой формальностью.

— Ты уверена в том, что говоришь? — Люся уставилась на голубоглазую девушку и не отводила взгляда, пока та не опустила ресницы.

— Да, — сказала девушка. Голос у неё дрогнул на этом коротком слове, но подбородок остался поднятым.

— А я вот считаю, что ругаться между собой некрасиво, — Люся сказала это негромко, почти буднично, и от будничности тона в магазине стало ещё тише. — Когда вы устраивались сюда, я вас предупреждала, что для меня атмосфера в коллективе важна. Я вас не просто на кассу брала. Здесь не должно быть вражды, ссор и обид. Вы должны быть как одна большая дружная команда.

Она сделала паузу, чтобы сказанное успело дойти, и добавила уже мягче:

— Потому что покупатель это чувствует. Он входит и слышит, как вы друг другу хамите, и уходит. И правильно уходит.

Девушки молчали, опустив головы. Одна изучала собственный маникюр, другая смотрела в пол, третья — на витрину с флаконами. Может быть, сейчас они даже ненавидели Люсю, и она это допускала. Это их право. Если что-то не нравится, она никого силой здесь не держит.

— Простите нас, — снова ответила та же голубоглазая. — Такого больше не повторится. Обещаю.

Она сказала это ровно, глядя Люсе в лицо, и было непонятно, верит она сама в свои слова или просто знает, что так положено отвечать начальству.

Остальные молчали, как будто в рот воды набрали. Одна кивнула, но так мелко, что кивок можно было и не заметить, другая переступила с ноги на ногу. И Люсе это не нравилось. Она хотела, чтобы каждая высказалась, сказала, что думает, наорала на неё в конце концов. Тогда было бы понятно, с кем и о чём говорить. А так перед ней стояли три пары опущенных глаз, и за ними ничего не разобрать.

— В чате вы были разговорчивее, — заметила Люся.

Кто-то у прилавка тихо фыркнул.

— Ну ладно. На первый раз мы забудем о вашем конфликте. Но давайте договоримся: такие ссоры больше не повторяются. Мне бы не хотелось вас увольнять.

Она сказала это серьёзным тоном, с расстановкой, чтобы поверили, и выдержала паузу. Девочки подняли головы, и в глазах у всех троих мелькнул один и тот же испуг. На самом деле увольнять Люся никого не собиралась: смена на смене держалась, работать они умели, и искать новых в разгар сезона было бы глупо.

После этого она прошла в свой кабинет, села за рабочий стол и включила компьютер. Он загудел, экран засветился, и на нём медленно поползли папки с накладными. Люся посмотрела на часы: половина двенадцатого. Внутри стало нарастать волнение.

Катя вчера обещала приехать, но это было до ссоры. И сейчас Люся не знала, приедет подруга к ней или не приедет. Она боялась, что Катя обозлится и вообще перестанет с ней общаться. Тогда она точно сойдёт с ума. Люся не представляла себя без Кати: сколько она себя помнила, столько рядом была и подруга.

Она открыла накладные, но не видела в них ни строчки. Каждый раз, когда в зале звенел колокольчик, Люся вздрагивала и поднимала голову, но это были покупатели: женщина с

ребёнком, потом мужчина в кепке, потом две студентки, которые долго нюхали пробники и ушли без покупки. Катя не появлялась.

Полчаса прошли в ожидании. Люся снова взглянула на часы, пошёл первый час дня. Она покосилась на дверь с грустью, уже понимая, что подруга не появится. А она так надеялась её увидеть. Вспомнив про телефон, который лежал дома на тумбочке, разозлило её сильнее всего: позвонить она не могла, даже если бы захотела.

Подождав ещё полчаса, она поняла, что ждать больше нет смысла. Встала из-за стола, сняла с вешалки сумку, перекинула ремешок через плечо и шагнула к двери.

И в этот момент дверь открылась. На пороге стояла Катя. Раскрасневшаяся с дороги, с волосами, прилипшими к вискам, в лёгком платье и с сумкой на сгибе локтя. Она тяжело дышала, будто бежала от машины до самого входа, и смотрела на Люсю так, будто не была уверена, что её тут ждут.

Люся замерла с сумкой на плече. Они стояли друг напротив друга и молчали, и это молчание длилось, наверное, всего пару секунд, но ей показалось, что прошла минута.

— Извини, я опоздала, — сказала наконец Катя. — Точнее, мы опоздали.

— Не поняла. Кто это «мы»? — переспросила Люся, хотя уже знала ответ.

— Я и Костя. Он приехал со мной.

Точно. Катя же вчера ещё говорила о том, что приедет вместе с ним в магазин. Люся кивнула, будто ей напомнили о чём-то незначительном, а внутри неприятно кольнуло. Она хотела обсудить с подругой вчерашнюю ситуацию сейчас, пока они были одни.

— Кать...

Но Катя перебила её.

— Люсь, я виновата, — заговорила Катя быстро, будто боялась, что её не дослушают. — Прости меня. Я правда хотела как лучше. Решила, что если посажу тебя и Виталия за один стол, то вы сможете помириться. Я действительно верила, что между вами ещё есть чувства. Но вчерашний вечер показал, что ты его не любишь. Поэтому я больше не буду вас мирить. Прости меня.

Она подошла и обняла Люсю, крепко, как сестра, прижавшись щекой к её плечу. От неё пахло знакомыми духами, дорогой и пылью, и Люся сначала стояла неловко, с сумкой, которая мешала между ними, а потом всё-таки обняла её в ответ и почувствовала, как отпускает.

Теперь она поняла всё. Подруга просто хотела сделать как лучше, но вышло не так, как Катя планировала, и получилась ссора. Разве можно на неё за это злиться?

— Да я тоже хороша, — сказала Люся, отстраняясь. — Напилась, устроила цирк с флиртом. Зачем? Сама не знаю. Поэтому ты меня тоже прости.

— Помирились? Ну слава богу, — раздалось от двери. — А то я уже думал, придётся запереть вас в этом кабинете и ждать, пока сами договоритесь.

В проёме стоял Костя, прислонившись плечом к косяку, руки в карманах, и усмехался так спокойно, будто весь скандал был всего лишь затянувшейся шуткой.

Катя тут же отстранилась и с улыбкой посмотрела на Костю. Улыбка у неё стала другой: мягче, будто она извинялась уже не перед подругой, а перед ним. Она одёрнула платье, поправила волосы у виска и сделала полшага в его сторону.

— Это Костя мне всё объяснил, — сказала она, и в голосе послышалась гордость, будто она показывала подруге подарок. — Он сказал, что я неправильно всё понимала. Что нужно было сначала спросить тебя, а потом уже действовать. Так что он тоже приложил свои усилия для нашего примирения.

Люся перевела взгляд с Кати на Костю и обратно. Надо же. Она всё утро придумывала, как будет смотреть подруге в глаза, а та приехала с готовым объяснением, и объяснение это принадлежало не ей.

Кабинет у Люси был небольшой: стол, стеллаж с флаконами, два стула для посетителей и окно с жалюзи, за которым гудел утренний город. Одной ей здесь было просторно, а с Костей вдруг стало тесно, будто кто-то убрал из комнаты воздух.

— Здравствуйте, Люся, — сказал он и протянул руку.

Пришлось протянуть свою. Ладонь у него оказалась тёплая и сухая, рукопожатие крепкое, ровно настолько, чтобы не показаться ни вялым, ни слишком сильным. И когда их пальцы соприкоснулись, Люсю будто ударило током. По телу пробежал озноб, а через секунду её бросило в жар, и она почувствовала, как краснеет.

— Здравствуйте, Костя, — сказала она и украдкой взглянула на него.

И поняла: он почувствовал то же самое. Он смотрел на неё так, как никто и никогда на неё не смотрел: не оценивающе, не равнодушно, а будто узнавал и не мог вспомнить откуда, и от этого взгляда у неё перехватило дыхание.

Люся убрала руку, чуть быстрее, чем следовало, и перевела взгляд на подругу. Слава богу, Катя ничего не заметила. Она вертелась по кабинету, заглядывала на стеллаж, отодвигала бумаги на столе и даже приподняла крышку коробки с накладными, будто подарок мог оказаться там.

— Люсь, ну где мой подарок? — спросила она, оборачиваясь. — Мне уже не терпится почувствовать его, понюхать.

Люся улыбнулась, радуясь, что можно хоть на минуту отвернуться и снова стать собой. Она подошла к шкафу, достала из кармана пиджака маленький ключ, повернула его в замке, открыла дверцу. Внутри на нижней полке, прикрытые мягкой бумагой, лежали коробки с готовыми заказами. Она отодвинула две, достала третью и вынула красивую упаковку с духами.

Катя взяла коробку обеими руками, повертела, поднесла к свету. Упаковка получилась плотная, приятно тяжёлая, с матовой бумагой и тонкой лентой, завязанной сбоку узлом, а не бантом.

— Ничего себе, — сказала она. — Мне уже нравится. Даже распаковывать жалко такую красоту.

Люся не только создала для неё аромат. Она сама продумала дизайн упаковки: цвет, шрифт, как ляжет на картон тонкая золотая линия, где будет стоять название. Потом нашла типографию, отвезла макет, выбрала бумагу на ощупь и забрала готовый тираж, когда работа уже казалась ей бесконечной.

Катя всё-таки не удержалась. Потянула за кончик ленты, развернула бумагу, стараясь не порвать, и вскрыла упаковку с духами.

— Люся, этот аромат сногшибателен, — выдохнула Катя, открыв флакон. — Я в восторге от него. Какая ты умничка.

Она поднесла горлышко к носу, вдохнула ещё раз, потом побрызгала на шею, на запястье и даже на кончик платя, и сразу стало казаться, будто весь кабинет наполнился этим запахом. После этого она подошла близко к Косте, встала почти вплотную и запрокинула голову.

— Скажи же, что аромат прекрасен, — проговорила она, глядя на него влюблёнными глазами, как кошка, которая уже легла на колени и никуда не собирается уходить.

Люсе стало не по себе рядом с ними. Она явно была лишней. Наверное, Катя вчера добила своего: она же хотела соблазнить Костю, и судя по тому, как она сейчас себя ведёт, по её руке на его локте, по тому, как она к нему наклоняется, всё прошло успешно. Катя добила своего.

— Да, аромат и правда прекрасен, — сказал Костя. — Тут не поспоришь.

Он произнёс это ровно, будто отвечал Кате, но смотрел при этом на Люсю, и смотрел на секунду дольше, чем было нужно. Её снова бросило в жар, щёки вспыхнули, и она опустила глаза в стол, на свои руки, лишь бы не встречаться с ним взглядом. Ну зачем он так смотрит?

Неужели не понимает, что так нельзя, особенно при Кате? Это некрасиво с его стороны, и ей от этого некрасиво тоже.

— Я рада, что тебе понравился подарок, — ответила Люся, и голос вышел сухим, вежливым, чужим.

Ей хотелось поскорее уйти. Она уже чувствовала на плече ремешок сумки, будто собиралась встать и выйти прямо сейчас, и держалась только из упрямства. Лишь бы не находиться рядом с Костей ещё хоть минуту.

— Ещё бы он мне не понравился. Я в восторге, — Катя прижала флакон к груди, будто он был не духами, а чем-то живым. Посмотрела на Костю, что-то прикинула и повернулась к Люсе: — Слушай, Люсь, может, ты создашь аромат для Кости?

Люся смотрела на подругу и хотела отказать. Очень хотела. Но это было бы странно: отказывать клиенту, да ещё и по просьбе лучшей подруги, да ещё после того, как она весь вечер и всё утро кляла себя за вчерашний цирк. Причин для отказа не было, ни одной, которую можно было бы назвать вслух.

И она вдруг поняла, что это значит: придётся разговаривать с ним, спрашивать про его привычки, сидеть вдвоём в этом тесном кабинете и запоминать, как он держит чашку.

— Чтобы создать для него аромат, мне нужно знать все его предпочтения, — сказала Люся, вытаскивая из ящика блокнот и ручку. — Что он любит, что не любит, какой стиль одежды предпочитает, какой цвет любимый, что ест на завтрак, а что на ужин. Всё это играет немаловажную роль в создании индивидуального парфюма.

Она говорила ровно, как на приёме у клиента, и про себя надеялась, что он сейчас услышит про цвет и завтраки, решит, что это слишком долго и хлопотно, и откажется от этой затеи. Но нет.

Костя молча сел на стул возле её рабочего стола, вытянул ноги и начал говорить.

— Я люблю строгие костюмы в офисе и свободную одежду дома, — начал Костя, будто отвечал на анкету, которую заполнял не впервые. — Мне нравится чёрный, белый, зелёный и голубой цвет. Фиолетовый не люблю. На завтрак предпочитаю кофе латте, на ужин всё что угодно. Из фруктов ем всё, кроме ананасов. Терпеть их не могу.

Он даже поморщился на этом слове, и Люся, которая как раз записывала, невольно улыбнулась в блокнот.

— Достаточно? Или что-то дополнить?

Люся подняла голову и на секунду открыла рот от удивления. Теперь она знала о нём почти всё: как он одевается, какие цвета терпит, что пьёт по утрам. А этого она не хотела. Совсем не хотела, чтобы у неё в блокноте, её собственной рукой, были записаны его привычки.

И зачем ему парфюм? Он и так вкусно пахнет.

Стоп. Она замерла с ручкой в руке и посмотрела в блокнот, будто там было написано что-то важное. Сама себе запрещая даже думать об этом. Собралась, выдохнула и подняла голову.

— Какие ароматы вам нравятся? — спросила Люся, стараясь, чтобы голос звучал обычно, хотя он всё равно дрогнул на последнем слове.

— Люблю что-нибудь поострее, — ответил Костя.

Он сказал это просто, без всякого выражения, но смотрел при этом прямо ей в глаза, и уголок его рта чуть дёрнулся.

Люся вспыхнула. Ей показалось, что он говорит сейчас не об аромате, а намекает совсем на другое, и от этой мысли кровь бросилась в лицо, а ручка в руке поехала, оставив на странице кривую линию.

— Костик, милый, не шути так, — вмешалась Катя и шутливо погрозила ему пальцем. — А то Люся уже краснеет.

Она сказала это весело, прижимаясь к его плечу, будто ей было приятно, что её мужчина умеет так смущать других женщин.

— Я говорил про ароматы с перчинкой, — спокойно ответил Костя, и брови у него поднялись с самым невинным видом. — А вы что подумали, Люся?

Люся покраснела ещё сильнее. Он что, издевается над ней? Или ей снова кажется, и она придумывает то, чего нет? Этот человек как-то странно на неё действовал: при виде его мысли путались, ноги подкашивались, и всё, что она собиралась сказать, вылетало из головы.

Она не понимала, что это такое. Это же не симпатия, уговаривала она себя. Он не может ей нравиться, не должен. На нём запрет. Подруга ей важнее, чем какой-то мужчина, и терять дружбу она не готова, особенно теперь, когда они только-только помирились.

Значит, нужно как можно меньше с ним видаться, чтобы не было соблазна. Обсудить детали по телефону, встретиться пару раз в магазине, при девочках, и всё. А составлять аромат она будет одна, в кабинете, за закрытой дверью, как делала всегда.

— Я ни о чём не подумала, — сказала Люся и посмотрела на Катю, а не на него. — Попробую поработать над вашим парфюмом, но ничего не обещаю.

— Не скромничай, — тут же откликнулась Катя и убрала флакон в сумку, аккуратно, будто драгоценность. — У тебя всё получится. И кстати, я тебе звонила, а ты не брала трубку.

— Я телефон забыла дома, — сказала Люся и, чтобы занять руки, поправила блокнот на столе.

— Ах вот оно что, — протянула Катя. — А то я подумала...

Она не договорила и посмотрела на Люсю внимательно, чуть склонив голову, как смотрят, когда хотят проверить, что перед ними всё та же знакомая с института.

— Ну что, Кать, мне нужно ехать на работу, — сказал Костя и встал со стула. Стул тихо скрипнул. Он одёрнул пиджак, поправил манжету и глянул на часы.

Он прошёл мимо Люси, так близко, что она почувствовала аромат его одеколона: что-то древесное, с горчинкой, знакомое до неприятного. Время будто остановилось на несколько секунд. Она задержала дыхание и уставилась в блокнот, в свои же каракули, и заставила себя не поднимать головы, не думать больше об этом мужчине.

— Всего вам хорошего, Люся, — сказал он ровно, коротко кивнул и вышел из кабинета, не оборачиваясь. Дверь закрылась за ним почти без стука.

Катя подошла, обняла её на прощание, чмокнула в щёку, и на секунду Люся снова почувствовала её духи вперемешку с новым ароматом.

— Ладно, Люсь, мы поехали. Созвонимся вечером.

— Хорошо. Созвонимся.

Но Катя уже не услышала этих слов: она была в дверях, догоняла Костю по коридору, и её каблуки быстро простучали по полу и стихли.

Люся рухнула в кресло. Руки и ноги тряслись после встречи с Костей, будто она не разговаривала с человеком, а пробежала квартал. Сердце колотилось где-то в горле, и пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы оно вернулось на место.

Ну зачем Катя влюбилась именно в него? Она была уверена, что и эта Катина влюблённость потом пройдёт, как проходили все предыдущие. Но что делать сейчас, когда подруга смотрит на него такими глазами? Катя много раз влюблялась в разных мужчин, и ни об одном из них Люся не думала дольше минуты. А Костя сидел в её голове, как вирус, от которого нет лекарства.

Что будет дальше, она даже думать боялась. Значит, надо постараться как можно меньше с ним пересекаться: не оставаться наедине, не отвечать на звонки, все вопросы решать через Катю. И тогда всё будет прекрасно. Наверное.

Сколько она так просидела, Люся не знала. Очнулась она оттого, что в зале зажгли верхний свет и стало слышно, как гудит пылесос. Девушки готовили магазин к закрытию: одна пересчитывала кассу, вторая протирала витрину, третья составляла флаконы в коробку. За окном уже потемнело, на улице зажглись фонари, и в стекле отражался её собственный кабинет.

Значит, она провела в своих мыслях весь день. Весь день, с половины двенадцатого до вечера, и не заметила, как он прошёл. Это ненормально. Так нельзя. Нужно как-то себя переключить, чтобы не думать о Косте хотя бы до завтра.

И тут она вспомнила о незнакомце из социальной сети. О том самом, что написал ей: «вы очень привлекательная женщина», и предлагал встретиться. Его сообщение так и висело без ответа, и фотография тоже никуда не делась: тёмные волосы, спокойное лицо, ни города, ни профессии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.